Чу Ханьюэ повернулся к Лаобао и спросил:

— Она когда-нибудь лишала кого-то жизни?

— Это… — хозяйка заведения всё не решалась подойти ближе, застыв в десяти шагах от них. — Нет, не убивала. Но скольких гостей она до смерти перепугала! Призрак виселицы — одного её вида достаточно, чтобы душа в пятки ушла.

— Призрак виселицы? Вы все видели её лицо? — уточнил Чу Ханьюэ.

Лаобао не смела шелохнуться, лишь мелко дрожала. Заметив это, Цинь Фэн взял её за руку и потянул к Чу Ханьюэ:

— Ну чего вы так далеко стоите? С моим учителем вам никакие призраки не страшны.

— Нет-нет, — Лаобао попятилась. — Пусть лучше бессмертный господин поскорее упокоит её душу.

Чу Ханьюэ покачал головой. Он чувствовал, что за этим кроется какая-то тайна, и не хотел действовать вслепую.

— Не зная причины, я не смогу провести обряд упокоения.

— Тогда просто убейте её, — заискивающе улыбнулась Лаобао. — Для вас ведь это всё равно что пальцем щелкнуть.

— Нельзя убивать того, кто не совершил ничего дурного, — Чу Ханьюэ терпеть не мог бессмысленной жестокости.

— Но она же призрак! Она людей едва до инфаркта не доводит! — Лаобао осеклась, когда из глубины двора донёсся пронзительный, леденящий душу крик. Она едва не лишилась чувств от страха.

Чу Ханьюэ холодно посмотрел на неё:

— Можете напугать её в ответ.

— Пфф… — Цинь Фэн не сдержал смешка, но, поймав суровый взор наставника, тут же посерьёзнел и обратился к хозяйке: — Мой учитель хочет сказать, что вам нужно подробно рассказать, откуда взялся этот призрак. Иначе мы не сможем вам помочь.

Лаобао в нерешительности замялась, а затем пригласила их войти в дом:

— Уже полдень близится. Давайте присядем, за едой я всё и расскажу.

Стоило Чу Ханьюэ и Цинь Фэну занять свои места, как Лаобао распорядилась позвать нескольких девушек. Те вошли, разряженные в пух и прах, но под слоями белил виднелась мертвенная бледность, а под глазами залегли тяжёлые тени — видимо, ночные встречи с покойницей даром для них не прошли.

Цинь Фэн, опасаясь, что девицы начнут вольничать с Чу Ханьюэ, поспешил их остановить:

— В этом нет нужды. Можете идти.

— Пусть остаются, — Чу Ханьюэ пригубил чай и спросил: — Что вам известно о происхождении того призрака?

Девушки, сбившись в кучу у порога, боязливо поглядывали на него. Несмотря на его неземную красоту, от него веяло таким холодом, что никто не смел и шагу ступить навстречу.

Одна из них, набравшись храбрости, заговорила:

— Это Сяо Чжоу. Её продали нам совсем недавно. Она была ещё совсем девчонкой, Матушка заставляла её делать черную работу, но та всё время рвалась домой, плакала. В итоге её заперли, и она с горя повесилась.

— Вот именно! — подхватила Лаобао. — Мы её никогда не обижали. И кормили, и поили вдоволь, и пальцем никто не тронул. Кто же знал, что она окажется такой строптивой?

— Кто продал её сюда? — бесстрастно спросил Чу Ханьюэ.

— Семья, конечно, — ответила одна из девушек. — Отец родной.

Чу Ханьюэ заметил, как они прячут глаза. Было ясно: правду говорят не всю.

— Как выглядел её отец?

— Старик какой-то, — последовал уклончивый ответ.

— Где он живёт? — продолжал допрос Чу.

— А нам-то откуда знать? Деньги взял и поминай как звали.

— Найдите его, — Чу Ханьюэ поставил чашку на стол. — Если это для вас слишком сложно, то и я ничем не смогу помочь. Цинь Фэн, уходим.

— Подождите! — Лаобао всполошилась, видя, что гость настроен решительно. Очередной скорбный вопль, донёсшийся со двора, заставил её вздрогнуть. — Бессмертный господин, на самом деле мы купили её у Ван Лаосаня. Он часто привозит девушек в городские терема. Говорит, они из окрестных деревень, из бедных семей, где кормить лишний рот нечем, вот родные и просят его пристроить их в городе.

— Приведите его ко мне, — распорядился Чу Ханьюэ.

Лаобао хотела было что-то возразить, но, ещё раз вздрогнув от крика, лишь покорно кивнула:

— Хорошо.

После обеда Чу Ханьюэ снова вышел на задний двор. Глядя на проклятую комнату, он негромко сказал Цинь Фэну:

— Опробуй талисман, который я учил тебя рисовать.

Цинь Фэн кивнул. Ловким движением он извлёк из рукава листок и прилепил его к двери. Древесина медленно стала прозрачной — не исчезла, но позволила заглянуть внутрь.

В комнате царил полумрак. Несмотря на открытые окна, солнечный свет словно натыкался на невидимую преграду из плотной черной дымки. В этом мареве едва угадывался силуэт хрупкой девушки. Она была скована тяжелыми железными цепями. Девочка дрожала всем телом и беззвучно рыдала, опустив голову.

— Какая жалость, — Цинь Фэн взглянул на наставника. — Учитель, почему бы нам просто не войти и не спросить её о несправедливости? Мы могли бы всё решить на месте, зачем тратить время и ждать этого Вана?

— Она немая, — Чу Ханьюэ указал на клубящуюся вокруг неё тьму. — Откуда у тринадцатилетней девочки такая мощная злоба? Либо она несёт на себе бремя чудовищной несправедливости, либо ею манипулирует куда более сильный демон. Пока мы не проясним ситуацию, лучше не предпринимать опрометчивых шагов.

Цинь Фэн понимающе кивнул. Ещё в свой первый визит он почуял неладное: этот призрак не боялся солнца. Такая злоба не могла накопиться за короткий срок — на это ушли бы тысячи лет. Каким бы одарённым ни был Чу Ханьюэ, он оставался человеком, и прямая схватка могла быть опасной. Цинь Фэн спросил об этом лишь для того, чтобы понять, нет ли у наставника

планов лезть на рожон.

— Что мы будем делать теперь? — спросил он, готовый в любой момент перехватить Чу Ханьюэ, если тот всё же решит войти.

Однако Чу Ханьюэ не собирался входить. Он развернулся и бросил:

— Найдём поблизости постоялый двор.

Работники заведения наперебой предлагали им остаться, уверяя, что комнат сейчас в избытке, а гостей всё равно нет. Но Чу Ханьюэ холодно отказал. Он и так беспокоился, что Цинь Фэн может набраться здесь дурных манер, так что о ночлеге не могло быть и речи.

Они сняли комнаты в гостинице на соседней улице. Оставив вещи, Чу Ханьюэ предложил Цинь Фэну прогуляться по городу.

Цинь Фэн думал, что наставник ищет зацепки, но тот, похоже, действительно просто хотел погулять. По пути он объяснял ученику, где находятся винные лавки, где торгуют зерном, а где тканями, рассказывал о назначении разных заведений. Они задерживались у уличных лотков, рассматривая нехитрый товар.

Цинь Фэн, проживший богом десятки тысяч лет, признал, что мир смертных изрядно изменился, и прогулка была ему в новинку.

Проходя мимо лавки с игрушками, Чу Ханьюэ заметил маленького мальчика, который капризно тянул отца за край одежды, выпрашивая бумажную вертушку. Он взглянул на Цинь Фэна и подумал: «Этот ребенок с малых лет остался сиротой, жил подаянием, вечно голодал. Наверняка ему никто никогда не покупал таких вещей».

Рука Чу непроизвольно легла на живот. Он подошёл к лавке и купил три вертушки. Две из них он спрятал в рукав, а третью протянул Цинь Фэну.

Цинь Фэн озадаченно принял игрушку. Почему три? Ведь в секте остались ещё трое младших братьев. Если дарить, то всем четверым. «Неужели бессмертный господин так плох в счёте?» — подумал он.

Пока он размышлял, Чу Ханьюэ уже подошёл к лоточнику и купил для него нитку засахаренного боярышника, а следом — глиняных куколок.

Тут-то Цинь Фэн и заметил странность: еду Чу покупал в одном экземпляре, а всё остальное — строго по три штуки.

Он был уверен, что эти подарки не предназначены для Цяо Цяньли или Чэнь Линя. Глядя, как Чу Ханьюэ то и дело касается своего живота, Цинь Фэн пришёл к дерзкой догадке: эти вещи предназначались для их будущих детей.

Оказалось, Чу Ханьюэ разделял его чувства и тоже всем сердцем ждал появления малышей на свет.

Пытаясь приобщить ученика к жизни простых людей, Чу Ханьюэ сам не заметил, как накупил целую гору всякой всячины. Вернувшись в комнату, он с сомнением посмотрел на заваленный вещами стол. Покупая их, он думал о детях, но ведь дети были в его снах. Как перенести всё это в сновидение? Сжечь? Но дети — не призраки, они не получат подношений через огонь.

Пока он раздумывал, на плечи ему навалилась тяжесть — Цинь Фэн, словно огромный пес, прижался к его спине.

— Бессмертный господин сегодня был так щедр. Это всё для меня? — шепнул он на ухо, вложив в голос лукавство.

Чу Ханьюэ обернулся и перевёл взгляд с ученика на груду покупок.

— Сможешь перенести нас в сон вместе с этим?

— Конечно. Я обязательно заберу всё, что ты так заботливо выбирал, — Цинь Фэн приподнял лицо Чу Ханьюэ за подбородок и запечатлел на его губах легкий поцелуй. — Иначе как я смогу отблагодарить тебя за чувства?

Чу Ханьюэ слегка отклонился, стараясь сохранить дистанцию.

— Это… для детей.

Последние слова он произнёс совсем тихо, боясь насмешек. Но тут же сменил тон, строго спросив:

— Где ты был прошлой ночью? Почему не возвращался?

Цинь Фэн на мгновение замер, а затем расплылся в улыбке, легонько ущипнув Чу за щеку:

— О, да ты сейчас точь-в-точь как ревнивая жёнушка, допрашивающая мужа, который поздно вернулся домой.

Чу Ханьюэ сердито оттолкнул его руку:

— Что за вздор ты несёшь?

— И вовсе не вздор, — Цинь Фэн потёр покрасневшую кисть и снова обнял его. — Не волнуйся, я не пустился во все тяжкие. Просто хотел дать тебе отдохнуть, вот и не беспокоил.

Чу Ханьюэ помрачнел:

— Значит ли это, что, кроме передачи божественной силы, ты вообще не желаешь меня видеть?

— Ну что ты, совсем наоборот! — от этой искренней обиды Цинь Фэн почувствовал странное, почти семейное счастье. — Фужэнь, я виноват. Отныне я буду возвращаться к тебе каждый день.

Услышав это обращение, Чу Ханьюэ едва не взорвался от негодования:

— Как ты меня назвал?!

— Фужэнь? — осторожно переспросил Цинь Фэн. — Нянцзы? Матушка моих детей?

Договорить он не успел — получил чувствительный удар в бок. К тому же изнутри его дважды пнули маленькие ножки. Цинь Фэн ничуть не обиделся. Лаской и настойчивостью он увлёк Чу Ханьюэ к постели.

Перехватив его руки, которыми тот пытался отбиться, Цинь Фэн коснулся поцелуем его изящного подбородка.

— Я виноват. Чтобы загладить вину, я поделюсь с тобой божественной силой.

— Проваливай, — бросил Чу Ханьюэ, прекрасно понимая, к чему всё клонится. Этот наглец просто искал любой повод для близости.

— Призрак, с которым тебе предстоит столкнуться, переполнен злобой. В одиночку тебе не справиться, я должен дать тебе защиту, — шептал Цинь Фэн, пьянея от близости любимого человека. Но даже в пылу страсти он не забывал о наставлениях: — Если не сможешь победить — не упрямься, беги при первой возможности. Моя сила способна не только разрушать, она станет твоим щитом. Будь хорошим мальчиком, не дергайся. Сначала один разок, а потом я научу тебя, как ею пользоваться.

Чу Ханьюэ пытался отвернуться, но Цинь Фэн настиг его, властно накрыв его губы своими. Чу хотел было возразить, но лишь дал противнику шанс углубить поцелуй.

Их языки сплелись в жарком танце, лишая дыхания. В глазах Чу Ханьюэ заблестела влага, его холодная маска окончательно дала трещину. Лицо залил румянец, он смотрел затуманенным и беззащитным взглядом, вызывая непреодолимое желание обладать им без остатка.

Цинь Фэн наконец отстранился от его губ, целуя слезинки в уголках глаз.

— Ведь это не впервые. Мы столько раз это делали, и тебе всегда нравилось. Почему же ты до сих пор так сопротивляешься?

Чу Ханьюэ закрыл глаза, не в силах ответить. Действительно, это было не в первый раз, но каждый раз он чувствовал себя неловко. Он никогда не умел проявлять инициативу.

Видя его нерешительность, Цинь Фэн с нежностью прижал его к себе:

— Ладно, если ты так не хочешь, я не стану принуждать. Сегодня обойдёмся.

Тело Чу Ханьюэ напряглось, пальцы в рукавах сжались в кулаки.

— Откуда тебе известно о призраке? Ты следил за мной днем?

Цинь Фэн на мгновение замялся, лихорадочно придумывая оправдание:

— Да… я соскучился и решил спуститься, чтобы взглянуть на тебя.

— Мы не можем видеться в яви, потому что я смертный? Если я увижу твой истинный облик, меня покарают небеса? — Чу давно подозревал нечто подобное, но не решался спросить. Сегодня, после слов Цинь Фэна, его кольнуло чувство вины. Он принимал его заботу, пользовался его силой, но при этом отталкивал. Это было несправедливо. — Если во мне будет твоя божественная сила, перестану ли я считаться обычным смертным? Смогу ли я тогда избежать небесной кары?

— Возможно, — Цинь Фэн ласково поправил его волосы. — Но никто не знает наверняка. Я не могу позволить тебе так рисковать.

— Я не боюсь риска, — Чу Ханьюэ слегка кашлянул. — Так что… продолжай. Чем больше во мне будет твоей силы, тем ближе я стану к богам. И тогда мы сможем встретиться по-настоящему гораздо раньше.

— Продолжать что? — Цинь Фэн всё прекрасно понял, но переспросил, боясь, что слух ему изменил.

— Не хочешь — не надо, — Чу Ханьюэ отвернулся к стенке. Но не прошло и секунды, как его снова заключили в объятия.

Цинь Фэн видел, что тот по-прежнему напускает на себя холодность, но покрасневшие кончики ушей выдавали его с головой. Он не удержался и слегка прикусил край этого розового ушка.

— Ну до чего же ты милый.

http://bllate.org/book/17570/1663012